

Лолита Ланская

The background of the poster is a lush, sunlit scene. A man with grey hair and a woman with long, wavy brown hair are sitting together. The woman is holding a small white deer and a tiny grey squirrel with large, colorful, iridescent wings. They are in a garden with many white flowers. In the background, there is a wooden house with warm lights and a wooden fence. The overall mood is magical and cozy.

Бывшая жена
Дракона.
Приют для чудес

Лолита Ланская

**Развод с драконом.
Приют для чудес**

«Автор»

2026

Ланская Л.

Развод с драконом. Приют для чудес / Л. Ланская — «Автор», 2026

В сорок лет я ушла от мужа-дракона с ящиком расписного стекла и громовиком, который от волнения искрил в моей дорожной сумке. Дарес был уверен, что к ужину я вернусь. А я добралась до общинного приюта, где старая мохолань отказывалась от сена, зеркальные гуси путали всех своими отражениями, а красивый зверолекарь совсем не собирался считать меня хрупкой леди. Киран Веймар не дракон и не богатый лорд. Он умеет лечить чудесных существ, варить ужасный чай и сердиться, когда я забываю поесть. Нам обоим гораздо легче позаботиться о других, чем признаться, чего хочется самим. Только редкий зелёный перелив уже пробуждает корни под нашим домом. Чтобы сохранить приют, придётся понять тех, кого нельзя удержать приказом. А чтобы снова полюбить — перестать прятаться за очень полезными делами.

© Ланская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дама с громовиком	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Лолита Ланская

Развод с драконом. Приют для чудес

Глава 1. Дама с громовиком

В тот день, когда я ушла от мужа, он больше всего расстроился из-за груш. Вернее, из-за того, что я унесла три груши из серебряной вазы, не предупредив экономку. К вечеру ожидались гости, и Дарес терпеть не мог, когда на парадном столе обнаруживалось нечётное количество чего бы то ни было.

– Ровена, положи хотя бы одну обратно, – сказал он, наблюдая, как я затягиваю тесёмки на дорожной сумке. – Ты совершенно не соображаешь, что делаешь. И зачем тебе этот ящик? Извозчик его разобьёт.

В ящике лежали мои расписные стёкла: синие ирисы, жёлтая птица, недоконченный луг. Между ними я проложила старые ночные рубашки, которые давно полагалось выбросить, но почему-то именно сегодня они оказались полезнее всего праздничного гардероба. Я подтолкнула крышку коленом и только потом посмотрела на мужа.

– Груши нужны Плюху, а стёкла нужны мне. Извозчик обещал поставить ящик рядом с собой. Он тоже не хочет ничего разбить, потому что я заплатила ему за доставку целых вещей, а не за красивый грохот.

Дарес сдержанно выдохнул. На секунду по его виску скользнула бронзовая чешуя, быстро исчезнувшая под безупречной человеческой кожей. Двадцать лет назад это движение приводило меня в восторг. Мне казалось, что рядом со мной чудо, которое милостиво притворяется обычным мужчиной. Теперь я знала, что чудо способно двадцать минут объяснять, почему зелёные шторы не подходят для южной гостиной.

Он был красив и сегодня: высокий, золотистоглазый, с тяжёлой тёмной косой, лежавшей на плече. На нём прекрасно сидел сливовый камзол. Я сама когда-то выбрала этот оттенок, и Дарес охотно говорил гостям, что у его жены безошибочный вкус. О том, что у жены иногда бывают желания помимо выбора ткани, гостям знать не требовалось.

– Сегодня ты можешь отдохнуть в приюте до обеда, – предложил он. – Я не возражаю. Но к шести будь дома. Отказаться от вечера за несколько часов невозможно, это поставит меня в глупое положение.

Я перестала бороться с крышкой. За последние два дня мы говорили об уходе трижды: в столовой, в его кабинете и возле лестницы, когда он остановил меня вопросом, можно ли заказать к ужину рыбу. Заявление о расторжении брака лежало в городской палате уже неделю. Через шесть дней нам предстояло подтвердить его перед распорядителем. Дарес подписал бумаги, потому что был уверен: до настоящего дела я не дойду.

– Меня сегодня не будет к шести, – сказала я. – И завтра тоже. Я написала Тессе, она согласилась принять меня. На встречу в палату я приеду сама, тебе не нужно присылать за мной экипаж.

Из сумки донеслось короткое ворчание, похожее на перекачивание горошины в пустом котле. Я приоткрыла клапан. Плюх высунул круглый нос, понюхал воздух и деловито принялся вытягивать грушу. Серая шерсть на его лбу стояла дыбом, а полупрозрачное крылышко прилипло к шву. Я осторожно освободила его пальцем.

– Хотя бы зверя оставь, – устало попросил Дарес. – Он стоит дороже этой телеги вместе с лошастью. В твоей лощине его опять будут кормить какой-нибудь дрянью, и мне придётся приглашать врача.

– Плюх ест груши, овёс и молодые листья липы. В моей лощине, между прочим, растут липы, а лекарь там уже есть. В твоей гостиной ему нельзя летать, в кабинете нельзя шуметь, а в саду нельзя пугать павлинов. Мне кажется, мы оба слишком долго старались помещаться там, где нам неудобно.

Последняя фраза прозвучала торжественнее, чем я собиралась. Я тут же ударилась подбородком о крышку ящика, и торжественность погибла. Дарес шагнул ко мне, протянул руку, но я уже выпрямилась и придерживала груз сама. В его лице мелькнуло настоящее беспокойство, от которого у меня предательски защипало глаза.

Мне хотелось, чтобы он сказал что-нибудь простое: что ему страшно, что он будет скучать, что, возможно, он тоже не знает, как мы дошли до этой лестницы. Тогда я, наверное, расплакалась бы. Но Дарес посмотрел на растрепавшуюся у моего плеча прядь и нахмурился.

– Ты хоть причешись перед выходом. Люди увидят тебя в таком виде и решат, что я выставил жену за дверь. Ровена, мне неприятно даже произносить это вслух.

Я кивнула, взяла с консоли медную заколку и собрала волосы. Длинные золотисто-каштановые пряди плохо слушались: одна всё время выскальзывала и щекотала щёку. Заколка была старая, с кривоватым листочком, зато моя. У зеркала я задержалась всего на мгновение. Сорокалетняя женщина с красивым упрямым ртом смотрела на меня так, будто ждала распоряжений и заранее с ними не соглашалась.

Извозчик вошёл без приглашения, поклонился слишком низко и сразу подхватил ящик. Я была благодарна ему за эту бесцеремонность. Экономка, стоявшая у боковой двери, положила поверх моих вещей свёрток с хлебом и сказала, что в дороге непременно захочется есть. Дарес молчал. Он не заслонил выход, не схватил меня за руку и не превратился в дракона; наверное, именно поэтому несколько шагов до крыльца показались мне ужасающе обыкновенными.

Когда телега тронулась, я не обернулась сразу. Сперва поправила ящик, потом убедилась, что Плюх дышит свободно, затем пересчитала застёжки на сумке. Всё это занимало руки, а рукам требовалось занятие. У ворот я всё-таки оглянулась. Муж стоял на верхней ступени, придерживая полу камзола, и смотрел вслед с таким выражением, словно я забыла дома важный документ, за которым непременно придётся вернуться.

Верески находились в трёх часах неспешной езды от города. Я знала эту дорогу лучше, чем Дарес предполагал: четыре года каждый второй вторник приезжала в «Тёплую лощину», помогала Тессе перебирать корм, отмывала миски и иногда оставалась до вечера. Потом вторники стали неудобными. То приезжала тётка мужа, то требовалось выбрать посуду, то мой визит в приют странным образом совпадал с очередным обедом у важных знакомых.

В последние полгода я выбралась туда всего дважды. Именно за это мне было стыдно, а вовсе не за уход из дома. Когда кто-нибудь зависит от твоего появления, слишком легко обещать себе, что приедешь на следующей неделе. Следующая неделя обычно находилась на стороне Дареса.

– Красивое сегодня утро, – заметил извозчик, когда город остался позади. – Дождь, правда, будет. Лошадь с утра на левый бок чихает, а она у меня зря не разбрасывается.

Я не стала уточнять, куда лошадь чихает при хорошей погоде. Мне понравилось, что с меня не требуют ни объяснений, ни бодрого настроения. Я вынула хлеб, поделилась с возницей и впервые за утро заметила, как сильно проголодалась. Плюх доел грушу, высунул из сумки до пояса и подставил ветерку пушистое брюхо. По его усам пробежала крошечная синяя искра.

За одиннадцать месяцев я научилась различать его недовольство, испуг и желание немедленно получить всё съедобное в пределах видимости. Дарес подарил громовика на годовщину, потому что тот хорошо смотрелся в серебряной клетке. Через два дня клетка отправилась в кладовую, а Плюх переселился в рукав моего старого домашнего платья. Прежняя хозяйка

зверька уверяла, что он ручной и не доставит хлопот. Оказалось, хлопоты способны весить меньше булки и при этом занимать весь дом.

У развилки возница остановился напоить лошадь. Я спустилась размять ноги и посадила Плюха на мокрую траву. Он сперва возмутился, расправив крылышки, потом потоптался четырьмя лапами, и шерсть у него постепенно улеглась. Я присела рядом, чувствуя влажный холод через подол. От земли пахло прелыми листьями, тёплой водой и ещё чем-то острым, незнакомым.

Между корнями старой ивы светился мох. Не отражал солнце, потому что солнце стояло с другой стороны, а будто держал под собой тонкую зелёную свечу. Я наклонилась ближе. Свет погас. Плюх чихнул, сунул нос мне в ладонь и потребовал, чтобы я перестала разглядывать несъедобные вещи.

– Осень нынче чудная, – сказал возница. – Вчера сосед уверял, что у него вода в бочке ночью пела. Я-то думаю, жена ему велела бочку помыть, вот он и выдумывает уважительную причину не трогать.

Я рассмеялась охотнее, чем следовало простой шутке. Мне было необходимо смеяться. После этого дорога пошла легче: яблоневые сады, низкие каменные ограды, тёмные полосы леса на холмах. Когда показалась деревянная вывеска приюта, у меня так стиснуло горло, что я не сразу попросила остановиться.

Надпись «Тёплая лощина» слегка облупилась, а нарисованная возле неё куница обрела лишнюю лапу. Её дорисовал кто-то очень старательный и совершенно не знакомый со строением куниц. За оградой стояли два невысоких дома, длинный сарай и открытые навесы. Дальше начинался сад, спускавшийся к речке. Здесь не было ворот, достойных появления бывшей хозяйки драконьего дома, зато на калитке сушились полосатые чулки.

Я успела расплатиться и снять сумку, прежде чем из двора выбежал гусь. Следом возник ещё один, затем сразу четыре. Возница отступил к лошади, Плюх тревожно заворчал, а я с отчаянием обнаружила, что не могу вспомнить, сколько гусей было у Тессы во время моего последнего приезда.

– Не двигайтесь, – раздался мужской голос. – Они ещё не решили, кто из вас опаснее. Если начнёте бегать, мнения сойдутся на вас, а мне придётся спорить с большинством.

Из-за сарая вышел незнакомец с ведром в одной руке и перевязанной белой птицей под другой. У него были широкие плечи, тёмные волосы с серебром у висков и лицо, на которое я посмотрела второй раз прежде, чем успела сделать вид, будто оцениваю только положение гусей. Серые глаза смеялись, хотя рот оставался совершенно серьёзным.

– Меня Тесса ждёт, – сообщила я и почувствовала себя человеком, который пытается оправдать незаконное вторжение. – Я Ровена. А это, к сожалению, уже не в сумке.

Плюх выскочил так стремительно, что я не успела схватить тесёмку. Он взлетел на высоту моего плеча, шарахнулся от гусяного отражения и приземлился незнакомцу за ворот. Мужчина застыл. Из-под льняной рубашки донеслось удовлетворённое урчание, после чего по шее лекаря прокатилась синяя искра.

– Приятно познакомиться, – сказал он сквозь зубы. – С обоими. Если это ваша обычная манера представляться, я рад, что вы приехали одна.

Я бросилась к нему и тут же остановилась, потому что гуси дружно вытянули шеи. Незнакомец поставил ведро, посадил перевязанную птицу в корзину у стены и медленно расстегнул верхнюю пуговицу. Плюх не показывался. Ему, очевидно, понравился новый вид тёплого убежища.

– Он не кусается, – торопливо заверила я. – Только если испуган. Но сейчас он не испуган, сейчас он нахален. Плюх, выходи немедленно, это чужой человек, у нас не было договорённости о переселении.

– У него со мной тоже, – заметил мужчина. – Однако жилец настроен решительно. Дайте мне ту грушу, которая торчит у вас из кармана. И не стойте так близко к гусю слева, это настоящий.

Я протянула фрукт. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись, и меня совершенно неуместно удивило, что его рука тёплая. Он держал грушу возле плеча, пока Плюх не высунулся из ворота, затем осторожно переместил добычу вниз. Громовик сполз следом по рукаву и оказался на сырой дорожке. Искры исчезли. Мужчина выдохнул и наконец улыбнулся настоящему.

– Киран Веймар. Работаю здесь с весны. Лечу зверей, иногда ограду после зверей, но пока не научился лечить рубашки. Тесса просила встретить вас, только не уточнила, с какого конца.

Я хотела извиниться, поблагодарить и объяснить, что обычно Плюх воспитан лучше. Вместо этого рассмеялась, прикрыв ладонью рот. Киран смотрел без осуждения. Его красота не была парадной: серебряные виски, маленькая складка возле губ, сильная шея, на которой мой питомец оставил нитку серого пуха. Всё это раздражающе хорошо сочеталось с закатанными рукавами.

Тесса появилась на крыльце, вытирая руки о передник. Она обняла меня так крепко, что я едва не уронила сумку, потом отстранила на длину рук и внимательно посмотрела в лицо. В её взгляде не было ни жалости, ни восторга от чужой смелости. Она просто проверяла, цела ли я.

– Комната наверху готова, – сказала она. – В углу ведро, потому что окно подтекает. Киран обещал починить, но вчера у него оказалась коза с раздвоенной тенью, а ведро возражало недостаточно громко. Есть будешь сейчас или сперва поплачешь?

Я втянула носом воздух и покачала головой. Плакать хотелось, но ещё сильнее хотелось, чтобы день не превратился в торжественное оплакивание моей прежней жизни. Из кухни тянуло луком и горячим тестом, во дворе кто-то ругался с дверной петлёй, а Плюх уже пытался утащить грушу под ступени.

– Сперва поем, – ответила я. – Потом покажи, что нужно делать. Только не выдавай мне сразу весь приют, я сегодня могу по ошибке накормить гусей собственным приданым.

Тесса усмехнулась и повела меня к дому. Киран подхватил мой ящик, не спросив, что в нём и зачем мне столько хрупкого. Я оглянулась на него у порога и увидела, что он заметил надпись «стекло», поправил хватку и понёс груз осторожнее. Эта мелочь почему-то оказалась труднее всего, что случилось со мной за утро.

В комнате пахло сухой мятой и чистым деревом. Кровать стояла под скатом крыши, рядом помещались стол, стул и узкий комод. Из окна был виден сад, а между яблонями блестяла вода. Я поставила сумку на пол, вынула медный кулон из-за ворота и сжала листочек в ладони. Мама носила его всю жизнь и говорила, что красивые вещи должны выдерживать обычные дни.

Внизу Киран что-то сказал Тессе, та засмеялась, и следом раздался гусиный крик. Я присела на край кровати. Никто не ждал, что к шести я надену правильное платье. Никто не знал, как долго я здесь останусь, включая меня саму. От этого было страшно и так легко, что я позволила себе несколько минут просто сидеть, пока Плюх устраивался в складках дорожного плаща.

Потом за окном снова вспыхнул мох. Тонкий зелёный свет пробежал под яблоней и погас прежде, чем я успела позвать кого-нибудь. Плюх поднял голову, прислушался и тихонько загудел. На этот раз груша его не заинтересовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.